Вспомним героев романа М. Шолохова «Поднятая целина» – Нагульнова, Давыдова, которые ради «общего» дела не пожалели никого и ничего. Вот как Давыдов отреагировал на протест Андрея Разметнова «воевать с детишками»: «Жалко стало, что выселяют кулацкие семьи? Подумаешь! Для того и выселяем, чтобы не мешали нам строить жизнь без таких вот... чтобы в будущем не повторялось...», а Нагульнов и вовсе заявил: «...тысячи станови зараз дедов, детишек, баб... Да скажи, что надо их в распыл... Для революции надо... Я их из пулемета ... всех порежу!» [4, с. 47]. Преданность подчеркивают и слова Давыдова: «...если понадобится, я за партию... я за свою партию, за дело рабочих всю кровь отдам! Всю, до последней капли!» [4, с. 53]

И дело здесь не в том, что у этих героев нет ничего святого, напротив, каждый из них обладает целым рядом положительных характеристик: они смелые, ответственные, решительные, добросовестные. Объяснение лишь одно – сотни и тысячи таких Нагульновых, Давыдовых не могли себе позволить остаться вне того времени, когда строилось «счастливое» будущее, в которое так хотелось верить. А долг настоящего героя, гражданина своей страны, – помочь своей родине.

Не сразу люди приняли Советскую власть, не хотели вступать в колхоз и потому чинили различные препятствия: резали скот, прятали «семфонд». Неудивительно, что Макар Нагульнов, сердцем болеющий за «мировую революцию», призывал не «нежничать» с врагами: «...надо непременно расстрелять двоих-троих гадов за скотину! Кулаков надо уничтожить!» [4, с. 89] Этим же объясняется и его жестокость по отношению к Баннику, который предпочел бы высыпать хлеб сниньям, чем отдать «чужеедам»: «...застрелю как вредного гада, а потом пойду за тебя в тюрьму хоть на десять лет! Я тебе не дам над Советской властью надругиваться!» [4, с. 138] Безоговорочно поверив в правоту Советской власти, в необходимость колхозов, Нагульнов был разочарован статьей Сталина, согласно которой «закружилась Макарова голова от успехов» [4, с. 164]. Теперь, по его словам, Нагульнов лежал в грязи «нищ лицом, столченный, сбитый с ног долой» [4, с. 165]. Настоящим ударом для него стало исключение из партии: «Куда же я без партии? И зачем? Нет, партбилет я не отдам! Я всю жизнь свою вложил... всю жизнь... прикажи ребятам... Меня тогда на распыл надо... Мне жизнь тогда без надобностей, исключите и из нее...» [4, с. 199]

Такие герои, как Нагульнов, – люди долга, они озабочены ценностями, актуальными для общества в большей степени, чем для личности. А.Н. Андреев подчеркивает, что герой – почетная, приветствуемая обществом «обезличенность», это «культ отношений», в которых нет ничего личного [5, с.5]. Жизнь героя принадлежит не ему, но социуму, родине, нации и т.д. Это подтверждает завершение романа «Поднятая целина»: Давыдов и Нагульнов погибли во имя будущего. С сожалением автор пишет об их смерти: «...Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшептала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка... Вот и все!» [4, с. 538].

Гибель героя ничего не меняет в мире, где главным является не сам герой, а то, что его делает. Он выполнил свою миссию и ушел в другой мир, а его место займут другие. Особенность героя социоцентрического типа в том, что он идеально соответствует задачам идеологии.

Литература

1. Рымарь, Н.Т. Введение в теорию романа / Н.Т. Рымарь. – Воронеж, 1989. – 254 с.
2. Паньков, Н. М.М. Бахтин и теория романа / Н. Паньков// Вопросы литературы. – 2007. – №3. – С.252-315.
3. Косиков, Г.К. К теории романа (роман средневековый и роман нового времени) / Г.К. Косиков // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1993. – №1. – С. 21-51.
4. Шолохов, М. Поднятая целина: Роман в 2-х кн. / М. Шолохов. – Мн.: Нар. асвета, 1978. – 544 с.
5. Андреев, А.Н. Современная интерпретация литературоведческой категории «народность» / А.Н. Андреев // Славянскія літаратуры ў сусветным кантэксте. Матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, БДУ, 8-10 кастрычніка 2003 г.). У дзвюх частках. Частка 2. – Мінск, БДУ, 2003. – С. 4-7.

«ДРУГОЙ» И ИНАКОВОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭДВАРДА МОРГАНА ФОРСТЕРА

Д.О. Половец

Инаковость является одной из актуальнейших проблем современной гуманитарной мысли и может быть определена, с одной стороны, как имманентное качество Другого (в узком смысле), а с другой – как категория субъектно-объектных отношений, делающая возможной и актуализирующая оппозицию «Я – Другой» (в широком смысле). Несмотря на то что проблема Другого, а следовательно, и инаковости, первоначально разрабатывалась в философии, она вышла за пределы сугубо философского дискурса. К проблеме инаковости в своем творчестве обращались, например, М. Бахтин,

Ж.-П. Сартр; некоторые представители постструктурализма (Ж. Делез) разрабатывали категории инаковости и Другого и проецировали собственные гипотезы на литературные произведения; концепции других (Ж. Лакана, М. Фуко) используются для интерпретации литературных произведений. Применительно к настоящей статье инаковость представляется категорией литературоведения.

Э. М. Форстер рассмотрел в своем творчестве инаковость как во внешнем, так и внутреннем ее проявлениях. Под последним понимается нетождественность героя самому себе, реализованная посредством статуса «Я сам как Другой». Инаковость, актуализирующая дихотомию «свое – чужое», является внешней. Дихотомия «свое – чужое», включающая антитезу «национальное – инациональное», производна от оппозиции «Я – Другой». Инаковость, реализующая дихотомию «свое – чужое», отлична от той, которая существует на уровне «Я сам как Другой».

В произведениях Э. М. Форстера оппозиция «свое – чужое» постепенно преодолевает антагонистический характер (личное, значимое – постороннее, чужое): от первоначального отношения к иному, «чужому» как чуждому и низкому герои приходят к внутреннему обогащению за счет узнавания истинно «своего» в «чужом». Развитие героев происходит в одновременном познании «своего» и «чужого», осмыслении «своего» на фоне «чужого» и одновременно «чужого» на фоне «своего». Способность/неспособность воспринимать «свое – чужое» определяется «развитостью»/«неразвитостью» английского сердца. «Неразвитое» английское сердце, сформированное в закрытых британских школах, чуждо всему иному. Для героев с «неразвитым сердцем» «своим» является только то, что позволяет им сохраниться и постоянно требует защиты от «чужого». При соприкосновении с последним герои с «развитым сердцем» переживают «вечные мгновения», озаряющие будничную действительность. Серия «вечных мгновений» предшествует духовному прозрению героев.

Произведения, основанные на опыте, накопленном Э. М. Форстером во время путешествий по разным странам мира (Греция, Италия, Германия, Индия, Египет и др.), позволяют выделить в его творчестве оппозицию «английское» – «неанглийское». Тема национального и инационального наиболее ярко представлена посредством сопоставления Англии и Италии (роман «Куда боятся ступить ангелы», рассказы «История о панике», «Сирена», «Вечное мгновение»). Сталкивая героев, принадлежащих к разным национальностям, указывая при этом на различия в их душевном мире и во внешнем виде, чертах национального характера и языке, национальных микрокосмосах, архитектуре, искусстве, ландшафте, Э. М. Форстер создает ситуации, в которых им необходимо распознать общечеловеческое, завуалированное в другой национальной культуре. Герои, преодолевающие по отношению к инациональному изначальную враждебность и признающие инациональное равным своему национальному, духовно перерождаются.

Внутренняя инаковость в произведениях Э. М. Форстера связана с осознанием героя/героини иным (иной), чем они считали себя. Выявлено, что данная идея достигает апогея в романе «Поездка в Индию», а ее истоки восходят к рассказам «История о панике», «Доктор Шерстихлоп» и др., романам «Комната с видом», «Морис», «Хауардс-Энд». Герои, неспособные «соединить» внешнюю жизнь с внутренней, прозу жизни и ее поэзию, себя и Другого внутри себя, переживают душевное потрясение при столкновении со своей внутренней инаковостью, т.е. при встрече с Другим внутри себя. Встреча с самим собой как Другим является также трагедией для героев, живущих лишь по законам разума и исключающих возможность существования в одном человеке нескольких Я. Чтобы прийти в согласие с «чужаком» внутри себя, им необходимо «соединиться». Последнее возможно при помощи «двойного видения», заключающегося в способности героя увидеть себя как Другого, осознать свою нетождественность самому себе. Путь к душевной гармонии героев Э. М. Форстера заключается в обретении ими «цельности», что возможно в примирении как с внешней, так и с внутренней инаковостью.

РЭТУРНАЦЫЙНЫ ЭТАП РАЗВІЦЦА БЕЛАРУСКАЙ ГРАМАТЫЧНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ (1941–1943 гг. XX ст.)

В.В. Радзюк

Вялікая Айчынная вайна істотна паўплывала на грамадска-палітычнае, гаспадарча-эканамічнае і культурна-бытавое жыццё беларускага народа. Значныя змены закранулі і беларускую літаратурную мову, што адлюстравалася як у сферы яе функцыянавання, так і ў сферы лексікі, у тым ліку тэрміналогіі. З мэтай раз'яднання палітычнага і нацыянальна-этнічнага адзінства Беларусі, імкнучыся папярэдзіць магчымасць арганізаванага супраціўлення, нямецкія ўлады падзялілі тэрыторыю даваеннай рэспублікі на некалькі ізаляваных частак. Быў створаны так званы «Гэнэральны абшар Беларусі». Ідэалагічныя ўмовы на гэтых тэрыторыях забяспечвалі сабраныя акупантамі ў розных гарадах Еўропы былыя дзеячы БНР. На Генэральным абшары Беларусі